

Он представлял, что дом Хань Чжоу, несомненно, очень уютный, особенно спальня — вероятно, там немного беспорядка, и можно валяться на полу, как в детстве.

Эта мысль заставила его улыбнуться, и он, взяв ручку, начертал на листе бумаги: «Беседы обо всем на свете — это идеальное путешествие в любви».

Хань Чжоу, услышав шорох пера, наклонился и спросил:

— Я тебя отвлекаю?

— Это не работа, — Цзинь Шуань провел пальцами по написанным словам и, глядя на него, сказал:

— Сегодня такой хороший солнечный день, хотелось что-то записать.

— Действительно, хороший день. — Хань Чжоу прищурился, глядя в окно, чувствуя, как солнечный свет окутывает его тело. Он лениво потянулся и оглядел комнату.

Кабинет был просторным, за рабочим столом стояло несколько рядов книжных полок, и с его места видно было только первый ряд, заполненный папками с документами.

Рабочий стол Цзинь Шуаня был расположен в форме буквы U, он сидел в центре, окруженный разбросанными листами бумаги и книгами, с компьютером под рукой. За его спиной стояли инструменты и материалы, а также незавершенная модель.

Хань Чжоу, опершись на подлокотник дивана, смотрел на модели и сказал:

— Я думал, что ты, учившийся архитектуре в США, будешь придерживаться более... как бы это сказать, яркого и модного стиля. Но оказалось, что твои работы более сдержанные, с какой-то скрытой глубиной и фрагментарной красотой, словно каждая из них рассказывает историю. Это очень похоже на тебя и твой дом.

Цзинь Шуань, выслушав его, слегка улыбнулся и включил вентиляцию. Он недавно курил, и в комнате все еще чувствовался запах.

— США — это страна иммигрантов, их стиль действительно разнообразен. Именно поэтому я изначально выбрал там изучать архитектуру.

Он продолжил:

— Потом, пожив в Великобритании, мой стиль стал более определенным, но это не чисто британский стиль. Я впитал в себя элементы других культур, включая китайские мотивы. Это моя основа, суть китайского дизайнера. Без этой основы созданное просто не устоит. Слепое подражание в конечном итоге поглотится большой волной.

— Ты тоже жил в Великобритании? — Хань Чжоу приподнял бровь.

— Да, учился в магистратуре. — Цзинь Шуань кивнул и бросил ему пакет с закусками. — Потом вернулся на родину на некоторое время, а потом вся семья переехала туда.

— Лондонский университет? — Хань Чжоу напрягся, думая, что это слишком большое совпадение.

— Да. — Цзинь Шуань удивился. — Откуда ты знаешь?

— Просто... угадал. — Хань Чжоу усмехнулся и откинулся на диван, не продолжив тему.

Ранее он заметил несколько совпадений между Цзинь Шуанем и Цзинь Шу, и это казалось ему игрой судьбы. Теперь же они совпали даже в учебе и семейной ситуации. Если бы он не был убежденным материалистом, то мог бы подумать, что это реинкарнация.

Он разорвал пакет с закусками и, стараясь быть непринужденным, сказал:

— Я не особо разбираюсь в заграниче, знаю только несколько известных университетов. Ты сказал, что учился в Великобритании, я просто наугад назвал, и оказалось, что угадал.

Цзинь Шуань кивнул, его взгляд опустился, словно он вспоминал прошлое. Через мгновение он поднял глаза на часы:

— Уже почти одиннадцать. Может, подождешь, пока я приготовлю пару блюд? Пропустим завтрак и сразу пообедаем.

Хань Чжоу доел последний кусочек закуски и почувствовал, что так продолжать нельзя, словно он навязывается.

— Может, не стоит тебя утруждать? У меня в студии есть одежда, я попрошу кого-нибудь принести. Сходим куда-нибудь поесть, чтобы я тебя не отвлекал.

— Ты меня не отвлекаешь, работа не срочная. — Цзинь Шуань коснулся губ, в душе не желая отпустить его, но в итоге сказал:

— Пойдем поедим.

Когда Лу Е принес Хань Чжоу одежду, все казалось нормальным. Но когда Хань Чжоу вернулся в студию, он заметил, что и Лу Е, и Линьлинь смотрят на него как-то странно.

Он бросил грязную одежду на диван в кабинете и сказал:

— Не надо ничего выдумывать. Вчера я немного перебрал, и отправил сообщение не тому человеку.

Лу Е:

— О, не тому человеку. А кому ты хотел отправить?

— ... — Хань Чжоу почувствовал, что с ним невозможно разговаривать, и, воспользовавшись моментом, строго посмотрел на Линьлинь:

— Эй, ты ведь видела, что я отправил сообщение Цзинь Шуаню, почему не сказала?

— Я же поздравила вас со столетием совместной жизни! — Линьлинь холодно ответила. — Если бы ты отправил голосовое сообщение в группу, думаешь, я бы так спокойно реагировала?

Хань Чжоу:

— ...

Он указал на двоих, сидящих на диване:

— Вы что, целыми днями только и делаете, что обсуждаете меня? Линьлинь, ты ведь уже больше года ни с кем не встречаешься, может, тебе кого-нибудь познакомить?

— Да брось! — Лу Е вставил свои пять копеек. — Линь — парень, если ты познакомишь ее с другом, он подумает, что ты подстрекаешь его к гомосексуализму. Это некрасиво!

— Пошел вон! — Линьлинь ударила его кулаком по плечу, и Лу Е, смеясь, отклонился на подлокотник дивана.

— Ну вот, сказал, что ты тигр, и сразу показала характер! Мало кто из девушек так запросто бьет людей!

Линьлинь, стиснув зубы, уже собиралась нанести новый удар, но Хань Чжоу, постучав по столу, раздраженно сказал:

— Эй, хватит! Кому нужно на занятия — идите готовиться, кто уже закончил — идите домой или в школу. Не мешайте мне, это раздражает!

Лу Е, вставая, успел уклониться от очередного удара Линьлинь и, ухмыляясь, показал Хань Чжоу средний палец:

— Брат Чжоу, твое умение уводить разговор в сторону просто потрясающее!

— Он просто хочет нас выпроводить, чтобы вспомнить вчерашнее. — Линьлинь, выходя за Лу Е, обернулась:

— Неужели стесняешься, что был пассивным? Это же нормально!

— Я не гнусь, спасибо. — Хань Чжоу беспомощно махнул рукой.

[Авторское примечание:

Через несколько месяцев

Хань Чжоу: Я точно не гей.

Цзинь Шуань: А я-то знаю, гей ты или нет.

Хань Чжоу: Откуда ты знаешь?

Цзинь Шуань: Слезь с меня, и я тебе расскажу.

«Беседы обо всем на свете — это идеальное путешествие в любви» — измененная строка из песни Эйсона Чана «Хочется плакать».]

С самого утра студенты начали покидать это место, звуки чемоданов, катящихся по коридору, не умолкали весь день.

Хань Чжоу стоял у окна, наблюдая, как эти молодые люди, несущие свои мечты, рассеиваются в холодном северном ветре. Он не мог не чувствовать легкую грусть. Некоторых из них он еще встретит, а с другими, возможно, больше никогда не пересечется.

Он увидел девушку по имени Сяо Ин, которая вчера вечером угощала его соком из арбуза. Она тащила большой черный чемодан, ожидая машину. Девушка посмотрела наверх, увидела Хань

Чжоу, и он, улыбаясь, помахал ей:

— Учись хорошо, будь осторожна в пути.

Девушка, как и вчера в караоке, убрала волосы, развеваемые ветром, за ухо. Она подняла голову, несколько секунд смотрела на этого мужчину, а затем, показывая белоснежные зубы, улыбнулась и помахала ему в ответ:

— До свидания, учитель Хань.

Это была ее первая любовь, начавшаяся с первого взгляда на него прошлым летом и закончившаяся этой зимней разлукой. Вся история этой любви была известна только ей одной. Три голосовых сообщения, которые учитель Хань отправил своему возлюбленному вчера в караоке, окончательно разрушили ее мечты о продолжении отношений после поступления в университет.

Учитель Хань сказал, что помнит имена всех своих учеников и их привычки в рисовании. Возможно, это был единственный способ, которым Сяо Ин могла остаться в его памяти. И большего он ей дать не мог.

Любовь в юности не требует многого и не заглядывает в будущее. Я любила тебя, ты помнишь меня — этого достаточно.

Поэтому, до свидания, учитель Хань. До свидания, первая любовь.

В тот вечер Хань Чжоу отнес грязную одежду в прачечную и сразу же вернулся домой. Дома он увидел, как его брат, Хань Дун, с холодным выражением лица спускается с лестницы:

— Почему вчера не вернулся?

— Ключи остались в чужой сумке, стучал в дверь, но ты не открыл. — Хань Чжоу переобулся и направился в ванную мыть руки.

Хань Дун, прогуливаясь по гостиной, некоторое время молчал, а затем спросил:

— Так ты ночевал в отеле?

— Нет, — Хань Чжоу выключил воду и вытер руки полотенцем. — Ночевал у друга, того самого... в общем, у одного друга.

Он проглотил слова, которые уже готовы были сорваться с языка. Он знал, что Цзинь Шуань гей, и хотя тот пустил его переночевать только из-за обстоятельств, говорить об этом было неудобно, чтобы не создавать неловкости.

Хань Дун, сидя на маленьком диване, смотрел на него с выражением обвинения:

— Неужели у того архитектора?

<http://bllate.org/book/15564/1415501>